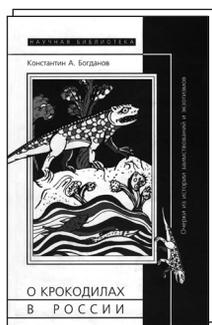

Тем не менее подчеркну, что предпринятое Галиной Линдквист рассмотрение современных российских «магических» реалий в свете устоявшихся в антропологии концепций достаточно ново для отечественной науки и может оказаться тем свежим ракурсом, тем эпистемологическим толчком, который помог бы преодолеть «социологическую немзыкальность» российских гуманитариев и обратить их интерес к современным «народным верованиям» не как к осколкам традиции или любопытному казусу, а как к культурному феномену и социальному институту, достойному научного внимания.

Ольга Христофорова

К.А. Богданов. *О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов.* М.: Новое литературное обозрение, 2006. 352 с., ил.

Это история экзотического в России с начала Киевской Руси до первой трети XIX в. (с кратким заключением об образе крокодила в советское и постсоветское время, от Чуковского до художников Комара и Меламида). На деле почти все иностранное является экзотическим, а Аристотель и Цицерон водят дружбу с химерами и чудовищами, часто заимствованными с запада. Благодаря полному охвату темы и задач, которые ставят перед автором различные тексты и артефакты, исследования русской культуры раннего нового времени получили с книгой К.А. Богданова огромное дополнение. К.А. Богданов демонстрирует большие познания в традициях средневековья и просвещения, а в его обзоре категорий экзотического искусно и аккуратно использован эклектичный набор методов, которые он обсуждает в «Prolegomena ad studia exo-

ticae». Читатели, знакомые с работами Нила Кенни и прежде всего Стивена Гринблатта, чья модель культурной поэтики повлияла на подход Богданова, узнают «траекторию» книги, которая движется от истории слов, обозначающих редкости, к риторике и изучению чудес. В русистике соединение риторического анализа, истории книги и, в меньшей степени, истории науки представляет отличное и удачно проведенное нововведение.

Автор рассматривает свой предмет тематически. Разделы последовательно касаются влияния экзотического как языкового феномена через перевод, переноса материальных объектов и соответствующих им систем ценностей (вместе с кофе приходит понятие публичной сферы и отчасти консюмеризм); адаптации литературных норм к западным риторическим системам; создания национальной идентичности с помощью соединения «другого» и «врага» в народном и официальном националистическом дискурсе; и наконец, мифического и фольклорного облика экзотического как меняющего форму символа чудовищного и неизвестного. Связанные между собой главы книги представляют насыщенное описание понятия и содержат взвешенную попытку показать один аспект российской идентичности раннего нового времени.

Осознавая трудности, с которыми сталкивается разбор языковых тонкостей, Богданов собирает тезаурус синонимов, виньеток и свой собственный кабинет редкостей, чтобы исследовать историю семантического поля любопытства и раскрыть коннотации связанного с ним словаря. Страницы 30–37, где перечислены ссылки на «остроумие», от мимолетного упоминания в «Житии» Стефана Пермского до отношения к разуму в конце правления Екатерины Великой, являются наилучшим примером его метода. Свидетельства о концептуализации и репрезентации экзотического в раннее новое время в основном фрагментарны, что препятствует непрерывному повествованию. Такая фрагментарность отражает качество интеллектуальной жизни в отсутствие гуманистической традиции. Чтобы дополнить картину и обеспечить соответствующую ей рамку, Богданов широко использует западные параллели. Здесь его знание первичных и вторичных источников также впечатляет, хотя повествование, оставаясь ясным и хорошо написанным, иногда становится отрывистым. Когда изложение начинается в Константинополе V в. и, пройдя сквозь густую ассоциативную сеть ссылок, заканчивается в Петербурге XVIII в., это может смутить читателя, но метод имеет свою временную логику. Там, где можно предположить прямую передачу текстов, чаще всего от византийских писателей к русским писцам и

богословам, подход Богданова соответственно склоняется к свидетельству источников. Богданов шаг за шагом ведет нас к XVIII столетию, естественно начиная с увлечения Петра I редкостями и основания научных институтов. Он не пишет много о том, какую роль играла любовь к диковинам в дискурсе естественных наук в России, но его книга является хорошей отправной точкой для дальнейшей работы в этом направлении.

Глава о риторике представляет собой тонкий и сбалансированный синтез различных отношений к книжности и риторических тропов, таких как остроумие. Ее стоит прочитать каждому, кто интересуется риторической традицией в России. Богданов убедительно показывает источники сопротивления новому стилю риторики в славянской традиции книжной учености с ее акцентом на позитивную, а не на спекулятивную мысль. Автор уверенно ведет читателя через традицию схоластики и логики силлогизмов, практиковавшуюся в Славяно-греко-латинской академии в XVII в.; он также дает очень полезное формальное описание учебников риторики и их удивительного разнообразия (хотя можно не согласиться с его характеристикой западных учебников как более стандартизованных).

Богданов идет дальше, рассуждая о том, почему аргументация как часть российской интеллектуальной жизни имеет другой статус и стиль по сравнению с ее функциями в западной традиции. У гомилетики не было недостатка в риторическом блеске и софистических спорах, но очевидно позднее появление университетов и господство церкви сделали экзотическим само понятие беспристрастного диалога. Зачаточное состояние российского законодательства и юриспруденции лишили риторику судебной традиции и соответствующих функций. В результате искусство риторики и ее изучение были частью поэтики, которая процветала со второй половины XVIII в. вместе с подъемом национальной литературы. Похвальна гибкость Богданова при работе с различными примерами, даже если не каждое его заключение выдерживает критику, а некоторые связи, изложенные туманно, — шаткие гипотезы (например, соединение теории энтузиазма с Жан-Жаком Руссо изложено совершенно неправдоподобно).

Автор на протяжении всей книги в изобилии использует первичные источники, уравнивая различные интерпретации изобразительного материала (раздел про лубок прекрасно сделан) и выявляя разумные основания для интерпретации (Богданов слишком корректен в своих замечаниях о советской историографии чудовищ, которая задавалась вопросом, был

ли рост числа «крокодильих» топонимов обязан нашествию ящеров).

Проект Богданова амбициозен и интердисциплинарен. Его аргументы поддержаны множеством иллюстраций, благодаря которым читатель может увидеть экзотическое своими глазами. Вряд ли кто-то из читателей никогда не видел крокодила, но многие не знают, как писатели от Аристотеля до старообрядцев понимали, изображали и называли символического и экзотического *крокодила* и *коркодила*.

Эндрю Кан

Пер. с англ. Ольги Бойцовой